

«Я ВИЖУ ХОРОШЕЕ В ТОМ, ЧТО ЛЮДИ СТАЛИ ЗАДУМЫВАТЬСЯ: А ЧТО, ЕСЛИ ТВОЙ ПОСТУПОК ПРИЧИНИТ БОЛЬ ДРУГОМУ ЧЕЛОВЕКУ»

Мы хотели написать, что Светлана Сачкова – человек-оркестр: придумывает книги, пишет статьи для известных российских изданий, учится в магистратуре по литературному творчеству в Бруклинском колледже в Нью-Йорке. Но, прочитав ее новый роман «Люди и птицы», скажем так: Светлана – это флейта, нежно солирующая, ведущая свою партию через истории простых людей, которым в наше непростое время удается сохранить душевную чистоту и способность радоваться. Совсем недавно в книжном магазине «Достоевский»* состоялась онлайн-встреча со Светланой. Креативный директор магазина Анна Попова поговорила с ней о том, как живет писателям по ту сторону океана и почему так важно не изменять себе. OpAir послушал разговор двух умных женщин и законспектировал основные мысли.

Записала Алиса Гелих

– Я переехала в Нью-Йорк четыре года назад, планирую здесь жить дальше, поэтому пошла учиться в магистратуру. Приезжему человеку, которому за сорок, тяжело утвердиться в Америке, трудно найти работу. Да, у меня есть диплом бакалавра по филологии Нью-Йоркского университета – я оканчивала его в 20 лет. Потом я вернулась в Москву, еще 20 лет жила там и вот снова прилетела в Нью-Йорк. Никого здесь не волнует мое американское образование – всем нужен опыт работы. Разумеется, я имею в виду работу в интеллектуальной сфере. Для того

чтобы устроиться официанткой, опыт, наверное, не так существенен. А вот даже очень известного автора, скорее всего, не возьмут преподавать литературное мастерство в университете, если у него нет MFA (Master of Fine Arts in Creative Writing). Исключения крайне редки – это, например, Эди Смит, которую пригласили в NYU аж из Лондона, но она суперзвезда. А многие писатели зарабатывают на жизнь как раз преподаванием, так как не у всех получается жить на роялти от изданных книг. Большие авансы и контракты получают единицы. Все

остальные – даже более-менее издающиеся, популярные авторы – должны как-то зарабатывать на жизнь. И преподавание – один из самых распространенных способов: ты умеешь писать и учишь этому других. Чтобы зарабатывать преподаванием, я поступила в Нью-Йорке на одну из писательских программ. Меня уже аттестовали, и со следующего семестра я могу преподавать. Но преподавать литературное творчество мне сразу не дадут. Вначале я должна пройти курс молодого бойца: учить молодых студентов писать эссе. Это навык, который нужен здесь любому человеку, будь то врач или инженер. Когда наработаю опыт, мне позволят преподавать что-то другое.

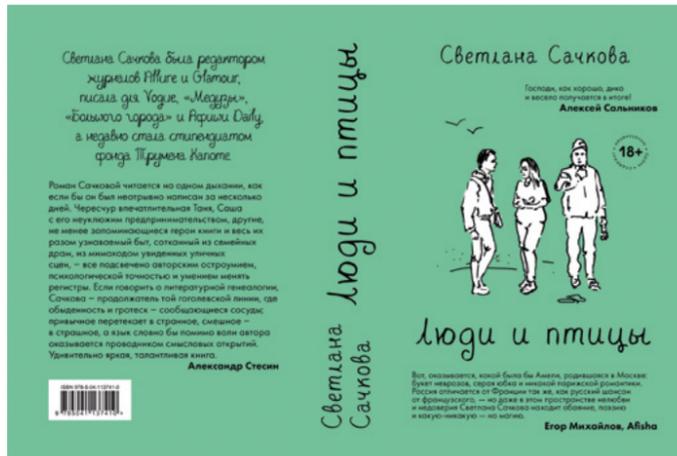
Почему в Америке море писательских программ, а в России только две?

В Америке общество стремится к профессионализации всего на свете. Здесь непрерывно появляются образовательные программы абсолютно во всех сферах. Уверена, что есть даже высшее образование для тех, кто хочет стать блогером. Как только появляется какая-то ниша, под нее сразу появляется образовательная программа – колледжи и университеты чутко на это реагируют.

Фото: Alena Adamson

* @dostoevsky.bookstore

В Америке огромное количество MFA-программ по литературному мастерству – больше 220. Самых престижных около 20. При этом университет, предлагающий подобный диплом, может быть средним, а программа – блистательной. Когда начался этот бум – не помню. Знаю, что первая программа, Iowa Writers Workshop, появилась еще в 1930-е годы на деньги ЦРУ.

Пропаганда не дремлет!

Именно! Программа действительно задумывалась как пропагандистская. Конечно, разведчиков там не готовили, но рассчитывали, что если талантливые писатели будут создавать талантливые произведения про Америку и про то, как в ней хорошо, то всего остального – фашизма, коммунизма – скоро не станет. Ну, вот что-то в таком духе. Хотя Литературный институт имени Горького в Москве был основан еще раньше, но именно с такой же целью, только в обратную сторону. Одно время эти две программы конкурировали, а когда холод-

ная война закончилась, никому это уже не было интересно, и программы стали просто образовательными.

Iowa Writers Workshop по-прежнему остается престижной программой, куда все хотят попасть?

Да, но не скажу, что оттуда выходят исключительно успешные писатели. Один из моих преподавателей в Бруклинском колледже, Тед, закончил эту программу и рассказывал, что среди всех людей, с которыми он учился, лишь несколько стали публикуемыми писателями, а остальные просто растворились в пространстве. Потому что помимо диплома писателю нужно еще много сил, чтобы продолжать писать книги.

Вы же пришли в писательство из журналистики, верно?

Скорее, я в журналистику пришла из литературы. Мой первый роман вышел 20 лет назад. Хотя сейчас многие журналисты пишут, что я писатель-дебютант, а книга «Люди и птицы» – один

из лучших дебютов 2020 года. Это не так, просто мой первый роман никто не заметил – может быть, он был недостаточно хорош, но, с другой стороны, в то время не было литературной критики как таковой, поэтому никто и не узнал о писательнице Светлане Сачковой. Но друзья мои тот первый роман, конечно, прочитали. И одна приятельница сказала: «Ой, ты так хорошо пишешь! Давай я познакомлю тебя со своей подругой, она главный редактор журнала Marie Claire». Подругой оказалась Анна Баринова, она предложила мне писать какие-то тексты – собственно, так и началась моя карьера в журналистике.

«Люди и птицы» – удивительная книга, столько доброты вложено в каждого героя. Вы выдумываете истории или они реальны? Помню, одна знакомая сказала мне: «Никогда не дружите с писателями – вы наверняка будете на страницах романа». Это правда?

Некоторые мои знакомые писатели никогда не берут истории из жизни. Но не брать совсем ничего невозможно! Лично я часто работаю с историями моих друзей, родных, со своими собственными историями. Я их, конечно, переосмысливаю, но многое пишу точь-в-точь, как есть. Иногда муж рассказывает мне что-то, а потом вдруг делает испуганные глаза и говорит: «Только ты об этом не пиши!» В «Людях и птицах» он, кстати, тоже нашел несколько своих историй. В Америке сейчас распространена практика – спрашивать у людей разрешение на право рассказать историю. Даже если ты не называешь имен. Считается, что история, которая произошла с человеком, принадлежит ему, и ты не име-

ешь права взять ее и вставить в свой роман. Лично я всегда спрашиваю разрешение. Сейчас, например, пишу на английском рассказ, в основе которого – история одной моей хорошей знакомой. Так вот я у нее заранее поинтересовалась, можно ли писать об этом. И даже провела целое интервью: знакомая час рассказывала мне по скайпу, что и как с ней произошло. Понятно дело, детали я изменю. Потому что когда ты переносишь на бумагу какую-то историю, она может не сработать как художественное произведение. У книжной истории должна быть своя логика – этому нас учат в магистратуре. Один преподаватель, помню, задал нам вопрос: «Почему автомобильная авария не может быть рассказом?» Некий человек оказался в непростой ситуации, на него свалилось несчастье – про это интересно послушать в формате журналистского репортажа, а читать в художественном

произведении – скучно. В рассказе должен быть герой, за которого ты переживаешь. Герой, у которого есть желания, который что-то хочет или которому что-то не удастся получить, ну и так далее. Если ты пишешь историю про автомобильную аварию, тебе придется сделать так, чтобы читатель с ним идентифицировался, переживал за него.

Еще Бернард Шоу говорил, что ни одна реальная история не годится к изданию. И коль уж мы заговорили о проблемах новой этики, давайте продолжим. В Америке, наверное, с этим все очень сложно. В России – пока лишь только отголоски слышны. Расскажу историю: в одном ресторане после ужина официант принес нашей компании два подноса. На одном – черные шоколадные зайцы, на другом – белые. И я растерялась – что выбрать. Возьму белых, а

мне скажут, что я расист и не люблю черных. Тогда все посмеялись. А я задумалась: сейчас действительно непонятно, о каком цвете заговорить, чтобы тебя ни в чем не обвинили. В мире так много условностей, которые нас обязали соблюдать. Видите в этом смысл? Лично я не вижу.

Я вижу хорошее в том, что люди стали задумываться: а что, если твой поступок причинит боль другому человеку. С сексизмом тем же мы все сталкивались, да и продолжением сталкиваться.

Когда я была моложе, не знала, что вот это сексизм, я просто думала, что так мир устроен. Что у мужчин всегда есть преимущество – даже не задавалась вопросом, правильно это или нет. И только сейчас, когда все вокруг об этом заговорило, понимаю, что многое в нашем обществе несправедливо.

Взять те же зарплаты — мужчины получали и получают больше. И с этим никто не поспорит — есть статистика! И здесь, в Америке, до сих пор на многие должности с большей вероятностью возьмут мужчину. Хорошо, что такие вещи сейчас не замалчиваются, а активно обсуждаются.

Как писателю мне интересен вопрос — о чем вообще можно писать? Я считаю: о чем угодно. И даже если я, белая женщина, приехала из России и хочу написать о судьбе черного человека, жившего в 1930-е годы в Алабаме, я могу это сделать. Просто для этого мне нужно перелопатить множество книг, погрузиться в историю, понять, как и что там происходило. Проблема в том, что все остальные уверены: так нельзя. Людям запрещают писать о том, чего они не испытали на собственной шкуре. Хотя никто из нас не жил 100 лет назад и может знать, что происходило с чернокожим человеком в Алабаме.

Я постоянно читаю статьи, в которых мои любимые писатели пишут о том, что они оставляют за собой право писать, о чем хотят. В то время как другие им возражают. А я просто наблюдаю, чем закончится эта дискуссия. Потому что когда-то и мне, вероятно, захочется написать о чем-то большем, нежели только о моем опыте, опыте моих знакомых из России или эмигрантской тусовки в Нью-Йорке. Вопрос — позволят ли мне написать такую книгу?

Книга «Люди и птицы», на мой взгляд, легкая, в ней много воздуха, надежды. А как придумали название?

Не уверена, что я придумываю удачные названия для своих книг. «Люди и птицы» — на самом деле это был рабочий вариант, и даже не помню, откуда он взялся. Я надеялась, что

в редакции предложат более интересную альтернативу. Но никто ничего не предложил. По поводу названия я отзывов не получала, а вот по самой книге — множество! Вот вы говорите, что она такая нежная, романтическая. Я ее тоже таковой считаю. Но есть и совершенно другое мнение. Некоторым людям, причем моим знакомым, которые, как мне казалось, похожи на меня, книга показалась очень и очень мрачной, беспросветной, заводящей в депрессию. А я вообще такого в ней не вижу! Все потому, что у каждого читателя — свой собственный опыт, через который он пропускает книгу. Он может прочитать даже то, чего ты там совершенно не предполагал. И спорить с таким читателем бесполезно! Не зря же говорят, что когда ты читаешь книгу — происходит твое сотворчество с автором. Мне раньше эти слова казались напыщенными, пафосными, а теперь я понимаю, что это правда. Ты написал текст, а уже конечный продукт — это то, что твой читатель создает в своей голове. И у писателя нет власти над этим процессом.

Недавно смотрела фильм «Книготорговцы», где услышала фразу: «Вы думаете, что вы читаете книгу, а на самом деле это книга читает вас...».

Хорошая фраза. Все так и есть.

У вас три книги. И все три на русском. Планируете ли издать что-то на английском или на других языках? У меня много друзей в Италии, и я знаю, что они с удовольствием бы читали все, что касается жизни русских, им это интересно.

Перевод — это огромный труд. Просто так переводить не будешь, особенно на язык, который тебе неродной. Лично у меня нет на это времени. Но

у меня есть литературный агент, который продал рукопись «Людей и птиц» издательству «Эксмо». И мой агент работает с русскоязычными писателями за рубежом. Там немного другая схема. Вначале они просят перевести отрывок книги, и на каких-то книжных ярмарках этот фрагмент презентуется. Если фрагмент заинтересует какое-то издательство, с автором заключают контракт и текст переведут полностью. Весной в Лондоне будет ярмарка, на которой Юля, мой агент, представит фрагмент романа «Люди и птицы». Ну а там посмотрим...

На английском я пишу рассказы. А с романом, который бы хотела издать на английском, произошла любопытная история. Закончив «Людей и птиц», я начала писать четвертый роман — на русском. Он про 30-летнего хипстера, который работает зубным врачом, живет в Москве, один воспитывает двоих детей. Токсичный такой человек, нарцисс, с которым происходят разные приключения. Поначалу я писала, не задумываясь, кому и когда буду этот роман продавать. Но однажды попала на один писательский семинар, где разбирали романы. Мне ничего не оставалось, как перевести пару глав этого романа про дантиста. И я была в шоке, когда оказалось, что американцам очень интересно это читать. Им понравился персонаж, им любопытно читать про Москву, узнавать, что мы такие же люди, как и они, несмотря на разницу в менталитете. В общем, они меня убедили, что такую книгу надо продавать именно на американском рынке. А мне даже не приходило такое в голову!

Я дописала роман на русском, сейчас перевожу его на английский — уже две трети перевела. Весь последующий год обучения в магистратуре буду давать этот роман читать преподавателям, слушать их советы.

Сегодня мы наблюдаем за кризисом на книжном рынке. Издатели нередко находят людей,

у которых много подписчиков в социальных сетях, которые пекут пироги и крутят кучеряшки в прямом эфире, и предлагают им: «А давайте издадим книгу!» И они, конечно, соглашаются: «Да, давайте!» А человеку, который не ставит на развитие своих соцсетей, не качает ягодицы в сториз, не показывает, чем он мажет, с кем гуляет, человеку, который оставляет свою жизнь приватной, — ему пробиться сложно. Вот такая тенденция существует у нас сегодня. Как с этим в Америке?

В Америке тоже важно, сколько фолловеров у писателя в соцсетях. Но это скорее важно для авторов потенциальных бестселлеров, для авторов нон-фикшен.

Если ты написал книгу, ты должен найти агента. Это сложно, если у тебя нет знакомых писателей, которые бы представили тебя своему агенту. С чего тогда начинают люди? Они пишут нескольким сотням (я не преувеличиваю!) агентов (можно купить книгу «Лучшие агенты США в литературе» и взять там все необходимые контакты), причем каждому персонально, иначе письмо даже не откроют. И когда ты, наконец, находишь подписчики, сколько их? Потому что агент понимает: популярного в соцсетях человека продать легче.

Лично я инстаграм завела две недели назад. Подумала: а что буду делать, если меня пригласят в прямой эфир — ведь живых презентаций из-за ковида теперь нет? Как я выйду в эфир без инстаграма? Вот и открыла аккаунт. Я это сделала не для себя, а для своей книжки, к которой отношусь как к своему другу. И чтобы у этого друга было все хорошо, я готова сделать многое — даже завести инстаграм. В фейсбуке у меня был профиль с 2009 года, но я там практически ничего не постила. Даже во время работы в Condé Nast, когда всем сотрудникам говорили, что ваш профиль в соцсетях — это лицо компании, и вы должны постить регулярно. Я всячески сопротивлялась, и за то время у меня буквально 3–4 поста. А когда вышла книга, стала активней. Я живу в современном мире и понимаю, как и что тут происходит. Если журналист захочет про меня написать, он первым делом полезет в соцсети, смотреть, кто я такая. Если там ничего не будет — ему станет неинтересно, и он ничего не напишет. Поэтому ради книжки я стала делать посты в фейсбуке. Мне это сложно давалось, я интроверт, несмотря на то, что работала там, где требовалось быть экстравертом. Каждый пост, где я рассказывала о своей жизни, забирал много эмоциональных ресурсов. Но сейчас уже привыкла.

Вы за свою журналистскую карьеру сделали много интервью. Понятно, что сейчас не так много времени для такой работы. Но все же — обращаетесь к этому жанру?

Да, и довольно часто. В основном это интервью с писателями, потому что мне это интересно. А еще ко мне обращаются издания, чтобы взять интервью с какой-нибудь актрисой или певицей из Нью-Йорка. И если мне интересен этот человек, я соглашаюсь. Каждый раз, конечно, зерекаюсь: «Все! Никаких интервью, у меня нет времени, я должна писать роман!» А муж смеется и говорит: «Вот сейчас позвонят — и ты опять не сможешь отказать». Так и происходит. ●